

НАСТУПАЕТ день, и каждый из нас выбирает свой жизненный путь. Один идет в токарки, другой — в шахтеры, третий — в летчики, четвертый... А Михаил Водяной пошел в артисты оперетты. И вот уже более 35 лет преданно служит этой веселой и трогательной, легкой, но порой и весьма язвительной музыке. Стал народным артистом СССР.

— Михаил Григорьевич, а почему вы выбрали оперетту?

— Это она меня выбрала. Когда учился в институте, мечтал о драме, трагедии, как мечтают только молодые самоуверенные люди. Но получилось так, что в сорок четвертом году я оказался в Пятигорске. Надо было работать, а там был только театр музыкальной комедии. Уже потом я понял, что это мое призвание. В сорок пятом году во Львове организовался новый театр музыкальной комедии, и я с радостью принял приглашение работать в нем: Вспоминаю об этом с особым чувством не только потому, что это была молодость, пора надежд, свежих сил. Просто у нас все было сначала. Театр не имел традиций. И все, что мы делали, было «собранием сочинений» молодых актеров, дерзких и ищущих. Я играл комиков, то есть те роли, на которые в других театрах

гню. Вам никогда не хотелось перейти на драматическую сцену?

— Мне даже предлагали это сделать, но я отказался. В свое время мне очень нравился Ленинградский театр комедии, которым руководил Николай Акимов. Но я не пошел туда. Там было мало музыки, а я уже не представлял своей жизни на сцене вне музыкальной среды. Это было еще в те времена, когда каждый театр занимался своим делом. Драматические театры не ставили мюзиклов. Те-

Знакомства и встречи

Народный артист СССР Михаил ВОДЯНОЙ:

«Они себя узнали? Тем лучше!»

молодые не допускались. И это, в свою очередь, сыграло огромную роль в моем становлении. Причем я говорю не только о себе, но и о своих товарищах тоже.

Через восемь лет театр переехал в Одессу. И теперь многие, особенно те, для кого 27—28 лет — уже история, считают меня коренным одесситом.

— А на самом деле?

— Родился я в Харькове, учился в Ленинграде, а о первых шагах в театре я уже сказал. Очевидно, славу одессита мне составили такие «одесские» роли, как Яшка-буksир из «Белой акации» Дунаевского, Попандуполу из «Свадьбы в Малиновке» и Мишка Япончик из «На рассвете». А теперь я и сам уже чувствую себя одесситом. И это, по-моему, неплохо, особенно для артиста оперетты. Воздух в Одессе юмором пропитан. Она дала немало комедийных артистов, хороших писателей.

— И тем не менее в одном из эпизодов романа «Алмазный мой венец» Валентин Катаев рассказывает, как он во что бы то ни стало хотел вырвать из Одессы своего друга-поэта, боясь, что того засосет провинция. Правда, друг его не был юмористом и время было другое.

— При всем моем уважении к Валентину Петровичу Катаеву, тут мне хочется с ним поспорить. Провинциалом по духу можно быть и живя в столичных городах. А истинные культурные ценности порой создавались людьми, обитающими весьма далеко от шумных городов. Я не говорю уже о нашем времени, которое вообще стирает понятие провинции. Все зависит от таланта и душевных качеств художника.

— Вы упомянули о своих «одесских» ролях...

— Они мне дороги, но это незначительная частица сыгранного. Есть у меня еще так называемая «веченосная» серия ролей. В свое время в музыкальной комедии «Одиннадцать неизвестных» Никиты Богословского я сыграл короля английских футболистов Стенли Макплута. И вот с его легкой руки, а вернее, ноги, на меня посыпались царственные роли. И Павла I в «Дочери фельдмаршала» я играл, и Николая I в «Русском секрете», Николая II в «Белой ночи» играл. Мишка Япончик — тоже король, король одесских налетчиков. А в оперетте «Четверо с улицы Жанны» я был королем одесских биндюжников. Последний, правда, на самом деле — подпольщик. А если говорить серьезно, кем только нас не делает сцена! И для каждой роли нужны свои краски. Для одних сатирические, для других героические, а для третьих героические. Сегодня ведь о прежних актерах в оперетте приходится забывать.

— И все-таки у драматического театра здесь, наверное, возможности шире, он углубляется в человеческую психоло-

гию. Вам никогда не хотелось перейти на драматическую сцену?

— И как вы к этому относитесь?

— Без ревности. У них иногда получается лучше, чем у нас, во всяком случае, по линии человеческой глубины. Правда, музыкальная нагрузка в этих спектаклях, как правило, облегченная. Здесь у нас преимущество. Нам не нужны фонограммы. И певцы в театре оперетты настоящие. Но есть такая вещь, как психология зрителя. Он знает, в какой театр идет. И в драматическом театре прощает то, что ни за что не простил бы в оперетте, и наоборот. В свое время «Человека из Ламанчи» у нас зритель не принял, потому что мы его слишком «передрамматизировали», спектакль оказался зрительно не в духе театра. Хотя вообще-то оперетта давно уже претерпевает внутренние изменения. Раньше она была чисто развлекательным жанром, а сейчас приобрела и воспитательную функцию. Мы играем больше мюзиклов, в основу которых положена настоящая драматургия. Сегодня самая лучшая музыка не спасет спектакль, если он лишен драматургии.

— А как же тогда с «Сильвой», «Принцессой цирка» и другими классическими опереттами? Ведь никто же всерьез не принимает страдания мистера Икса по поводу того, что ему «вельможи не дадут руки», да и сентиментальная история Сильвы ни у кого слез умиления не вызывает, а тем не менее классическая и неовенская оперетты все равно остаются любимыми.

— Это верно. Более того, в последнее время наблюдается новая волна интереса к ним. Причин тому, очевидно, несколько. Одна из них, может быть и кроется в том, что никто всерьез не принимает сюжетные перипетии той же «Сильвы», относился к ним, как к театральной условности, по поводу для прекрасной музыки. Для меня, например ничто не превзошло музыку штраусовской «Летучей мыши». И Кальмана, несмотря на налет сентиментальности, мы все любим. Мне кажется, что возрождающийся интерес к его опереттам — это закономерная и здоровая реакция на шумную безумность, которая, как это ни парадоксально, воцарилась на какое-то время в легкой музыке. Если можно назвать легким утомительный грохот, которым глушили оркестры любителей эстрадной музыки. Посмотрите, на эстраду стали возвращаться танго, блюзы. Это тоже показатель. Стала возвращаться мелодия. Вот что главное.

Кроме того, в классической оперетте юмор — доступный всем. И это очень важное качество. Без юмора оперетта не может существовать. И это та сложность, с которой мы сегодня встречаемся. Мне кажет-

ся, что слезы у нашего далеко не сентиментального зрителя вызвать легче, чем смех. Имею в виду, конечно, не такой смех, когда актер вылетел на сцену, споткнулся, растянулся и как-то часть зала смеется. Попробуй вызвать смех умный, настоящий, вот тогда и считай, что цель достигнута. У актера должны быть свои внутренние критерии, не позволяющие ему подлаживаться к публике, идти на поводу у той ее части, которая готова смеяться над кривляньем. Сегодня мы ведь играем по-другому. И в наше сугубо условное, казалось бы, искусство пришла правда жизни. Она предъявляет свои требования и к содержанию пьес, и к манере актерской игры.

Мне кажется, что для каждого из нас возжеланная мечта — такой смех, какой царит во время выступлений Аркадия Райкина. Есть у меня очень дорогой снимок, давний, сорок шестого года. На нем Леонид Утесов, Аркадий Райкин и я, тогда еще совсем молодой актер. Дружбой с этими мастерами искусства я очень дорожу. Мне в их творчестве близко истинное чувство юмора. Сатирическое начало в выступлениях Аркадия Райкина для меня образец гражданственности. Я вижу, как больно актеру от встречи с какими-то явлениями, которые мешают людям жить в соответствии с нашими идеалами, как умеет он свою боль сделать болью каждого, кто его слушает, и тем самым заставить думать над собственными поступками, над своей жизненной позицией.

— Сатира, как известно, не противопоказана и музыкальной комедии...

— Я бы сказал, что сатира просто обязательна для оперетты, придает ей остроту и злободневность. Во всяком случае, я многим своим персонажам стараюсь придать сатирическую заостренность. Так я играл Галушку в спектакле «Кому улыбаются звезды», так играл двойника Николая II в «Белой ночи». Да ведь и Яшка-буksир в «Белой акации» — образ сатирический. Причем, чем более любима роль, тем острее ее играешь. Тут вкладываешь свое отношение к явлению, носителю которого является твой персонаж, стремишься помочь людям увидеть его сущность.

— Сатирические роли ваши любимые?

— Нет, пожалуй. Душой я больше тяготею к трагикомедии. Когда есть возможность показать человека в его добрых проявлениях, когда я могу сказать, что люблю не роль за ее броскость, яркость, остроту, а самого героя. Так я полюбил Дулитла в мюзикле «Моя прекрасная леди», в основу которого положен «Пигмаллион» Бернарда Шоу.

— Помните, после премьеры критики сравнивали ваше исполнение с исполнением этой роли в американском спектакле, который был показан в нашей стране. И сравнение было в вашу пользу.

— Было такое. «Моя прекрасная леди» у американцев поразила всех прежде всего техничностью исполнения. Ведь труппа в Америке собирается на один спектакль, который играется каждый вечер, и роли шлифуются до автоматизма. С одной стороны, это хорошо, а с другой — утрачивается непосредственность. Но не об этом сейчас речь. Я в своем Дулитле искал социальные корни. Ведь он не просто чудак, которому нравится быть люмпен-пролетарием, какие-то причины привели же его на дно общества. Спектакль, конечно, не ставил целью вскрывать эти причины, но надо было играть так, чтобы зрители о них задумались.

А из ролей последних лет люблю много, интеллигентного, на склоне лет нашедшего любовь Гусятникова в «Поздних серенадах» по пьесе А. Арбузова «В этом милом старом доме». Люблю Агабо из грузинского мюзикла «Сердце мое здесь», мне интересен этот народный характер и тема пьесы волнует: дети выросли, покинули родное гнездо, и отцу больно, что не унаследовали они его любви к земле. Хочется передать зрителям и свое отношение к герою американского мюзикла «Обещания, обещания» — маленькому человеку, достоинство которого попирается в мире бизнеса. Автор этого, на мой взгляд, одного из лучших мюзиклов мира — Бакарак, бывший аккомпаниатор Эдит Пиаф.

— Михаил Григорьевич, что вы считаете главным в своей работе артиста?

— Мне нравится приносить людям радость. Я люблю, когда они от души смеются на наших спектаклях. А вот один гражданин хмурится, другой — смеется как-то натужно, через силу. Не узнали ли они себя в том, кого мы хотим осмеять? Тем лучше. Значит, цель достигнута. Я люблю наше жизнерадостное и лирическое искусство музыкальной комедии. В нем моя жизнь.

Беседу вел Л. КЛЕВЦОВА.
Одесса.

Фото И. ПАВЛЕНКО. (РАТАУ).